

Екатерина Мордвинцева

Иди к чёрту!

УДК 82-3
ББК 84-4
М79

Мордвинцева Е.

М79 Иди к чёрту! / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 188 с.

ISBN 978-5-524-00427-7

«Дано: парень лезет в окно. Доказать: как он будет вылезать.» Когда-то в далёком детстве нам это казалось забавным. Но! Это было в детстве, а сейчас мне совсем не до смеха. Почему? Да потому-то ко мне только что влез один такой муд... Ой, простите! Приличным девушка так говорить не стоит. В общем, мудростью обделенный Homo sapiens. И все бы ничего, если бы: «А» – я была в одном полотенце, «Б» – парень влез в трусах и «В» – пришел мой отец. А теперь вопрос: какова скорость полёта человека с третьего этажа?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00427-7

© Литнет, 2026

© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Алиса Звягинцева

Утро пятницы обещало быть идеальным. Оно пахло моим дорогим гелем для душа с ароматом спелого персика и сладкой ванили, а за окном июньское солнце заливало светом не только улицу, но и все мои планы на ближайшие два дня свободы. Я стояла в центре своей комнаты, в большом махровом полотенце цвета крем-брюле, и вытирала прядь мокрых волос.

Влажная прохлада на коже была невероятно приятна после горячего душа.

Моя комната – моя крепость, мое убежище и витрина. Все здесь было выдержано в бежевых и пастельных тонах, все лежало на своих местах: учебники по макроэкономике с ровными стопками цветных стикеров, конспекты, исписанные моим старательным округлым почерком, коллекция фарфоровых балерин на полке. Идеальный порядок для идеальной дочки. Алиса Звягинцева, восемнадцать лет, отличница, красавица и гордость своего отца. Сегодня днем – дополнительная лекция, которую я не могла пропустить, а вечером – та самая, долгожданная вечеринка у Лизы, на которую отец отпустил меня с неохотным кивком и десятком напутствий. Я уже мысленно перебирала платья в гардеробе.

Потянувшись к фену на туалетном столике, я на мгновение задержала взгляд на своем отражении: покрасневшие щеки, слишком широко распахнутые серые глаза, густые темные ресницы, слипшиеся от влаги. Папина дочка. Так он меня всегда представлял своим друзьям-бизнесменам. «Моя Алиса – умница и красавица, держу в ежовых рукавицах, чтобы никто не сбил с пути».

Мысль о отцовской опеке была как раз той самой каплей дегтя в бочке с медом моего утра. Но даже она не могла подготовить меня к тому, что случилось дальше.

Тень. Резкая и стремительная. Она мелькнула за окном, заслонив на мгновение солнце. Сердце не просто екнуло – оно сорвалось с катушек и упало куда-то в ботинки. Рука, тянувшаяся к фену, замерла, а горло сдавила невидимая удавка. Это не мог быть папа – его кабинет был на первом этаже. Не какой-нибудь любопытный зевака – я жила на третьем этаже элитного дома, и до моего балкона не добраться без лестницы.

Прежде чем страх успел перерасти в панику, створка окна, которую я на ночь всегда закрывала на замок (отец проверял), с противным металлическим скрипом отъехала. И в проеме, на фоне безмятежного голубого неба, возник он.

Парень. Совершенно незнакомый. И он был в одних темных, почти черных, боксерах, обтягивающих его узкие бедра.

Воздух вырвался из моих легких беззвучным свистом. Я остолбенела, вжавшись в ковер босыми пятками, чувствуя, как по телу разливается волна то ли ледящего ужаса, то ли адского жара. Он был чертовски красив. До неприличия, до боли. Влажные от пота или, страшно подумать, от утренней росы, темные, почти черные волосы спадали на лоб. Резкие, словно высеченные из камня черты лица: высокие скулы, упрямый, с легкой ямочкой подбородок, и губы – чувственные, изогнутые в самой наглой, самоуверенной ухмылке, которую я когда-либо видела. А его глаза они были цвета весенней листвы, ярко-зеленые, и смотрели на меня с таким бесстыдным любопытством и насмешкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Он легко, словно кошка, спрыгнул с подоконника на мой идеально чистый, бежевый ковер, оставив на нем грязные следы от босых ног без обуви, которой на нем не было. Куда он ее дел? Это была самая идиотская мысль в данный момент, но мой мозг, перегруженный шоком, цеплялся за любые мелочи.

– Привет, красотка, – его голос был низким, бархатным, и в нем не дрогнул ни один мускул. Он вел себя так, будто влезал в окна к незнакомым девушкам каждое утро. – Извини за столь экстремальное вторжение.

Пришлось делать ноги от одного ревнивого мужа с неприятной привычкой размахивать битой.

Я не могла издать ни звука. Просто стояла, сжимая обеими руками края полотенца у груди так, что кости пальцев побелели. В моей комнате. Чужой парень. В одних трусах. Я. В полотенце, которое вдруг показалось мне смехотворно маленьким. Весь мой стройный, предсказуемый мир рухнул за три секунды.

– В-выйди, – наконец выдавила я, и мой голос прозвучал как тонкий, испуганный писк. – Немедленно.

– С удовольствием, – он усмехнулся, и в уголках его глаз затанцевали веселые чертики. Он оглядел мою комнату, его взгляд скользнул по учебникам, по балеринам, по мягким игрушкам на кровати, и я почувствовала жгучую стыдливость за эту свою девичью наивность. Потом его зеленые глаза медленно, оценивающе вернулись ко мне, прошелся от моих босых ног до влажных волос. Под этим взглядом кожа запылала, и по спине побежали противные, колючие мурашки. Но это были не мурашки страха. Это было что-то другое. Запретное, острое, от чего в низу живота заныла странная, тревожная тяжесть.

– Но, боюсь, через дверь будет не очень удобно, – продолжил он, делая шаг вперед. От него пахло ветром, потом, опасностью и чем-то еще – терпким, мужским. – Тот самый ревнивец, вероятно, дежурит у подъезда. Придется мне немного переждать тут. Надеюсь, ты не против?

Я была против! Я была категорически против! Но слова застряли у меня в горле. Потому что в этот самый момент в дверь моей комнаты раздался резкий, отрывистый стук.

Звук был таким же твердым и не терпящим возражений, как приговор суда. Весь мир сжался до размеров моей комнаты, до этого наглого незнакомца и до этой дубовой двери. Кровь в жилах буквально застыла.

– Алиса? – раздался за дверью низкий, властный баритон, который я знала и боялась с детства. Голос моего отца. Александра Сергеевича Звягинцева.

– Ты уже проснулась? Я слышу шум. Спускайся в столовую завтракать, нам нужно срочно обсудить твои планы на вечер.

Глаза мои, наверное, стали размером с блюдца. Я перевела дикий, полный ужаса взгляд с парня на дверь и обратно. Он стоял, прислонившись плечом к моему стеллажу с книгами, скрестив на голой груди руки. Эта грудь была рельефной. С очертаниями пресса. Я резко отвела взгляд, чувствуя, как горит все лицо.

Отец никогда не входил без спроса. Это было наше негласное правило, последний рубеж моей личной жизни. Но сегодня в его голосе звучала та самая стальная нотка, которая означала, что разговор предстоит серьезный. «Обсудить планы на вечер». Это никогда не сулило ничего хорошего. Обычно это заканчивалось отменой всех планов, допросом с пристрастием и парой новых правил.

И самое ужасное – этот незнакомец, этот наглый повеса, услышав голос отца, не просто не испугался. На его лице не было и тени тревоги.

Наоборот, его ухмылка стала еще шире, еще бесстыднее. Он оттолкнулся от стеллажа и сделал еще один, на этот раз бесшумный шаг ко мне, сократив и без того ничтожное, опасное расстояние между нами до пары десятков сантиметров. Его дыхание, теплое и ровное, коснулось моего лба.

– Ну что, принцесса, – прошептал он так тихо, что это было скорее движение губ, чем звук. В его зеленых глазах плясали чертики азарта и какого-то омерзительного восторга от адской ситуации. – Похоже, у нас небольшая проблемка. Каков наш план? Ты сейчас откроешь папочке, а я спрячусь в твоём гардеробе? Или под кроватью? Выбирай быстрее, а то ему, кажется, не терпится.

Я не успела ничего ответить. Мое тело онемело, разум парализовало. Я лишь слышала, как бешено колотится мое сердце, готовое вырваться из груди и предать меня с первым же ударом.

С той стороны двери послышался легкий, знакомый скрежет. Рука с той стороны легла на ручку. Я увидела, как латунная ручка медленно, неумолимо начала поворачиваться.

Щелчок. И вот-вот замок откроется...

Глава 1

Кирилл Островцев

Черт возьми, голова. Она не просто болела – она проживала свою отдельную, бурную жизнь, полную ударов маленьких, но злобных молоточков по самым чувствительным участкам мозга. Я медленно открыл глаза, и сознание вернулось ко мне нехотя, как непослушный щенок на поводке. Первое, что я увидел – нежный, дорогой шелк простыней под дорогим одеялом и размытые очертания чужой, роскошной спальни. Стиль «новые русские» с претензией на аристократизм: позолота, глянец, огромная люстра. Пахло дорогими, удушающими духами и сексом. Сладковатый, приторный запах вчерашней ночи.

Вчерашний вечер всплывал в памяти обрывками, как старый, поврежденный фильм, который кто-то щедро поливал алкоголем. Клуб «Эпицентр», музыка, бьющая по ребрам и вышибающая последние разумные мысли. Столик, заваленный бутылками дорогого, но безвкусного виски, и смех моих приятелей, таких же бесшабашных и уверенных в своей неуязвимости. А потом она. Стройная блондинка с волосами цвета спелой пшеницы и глазами – холодными, как морская гладь в пасмурный день. В них читалась скука и голод. Мы танцевали, слишком близко, нарушая все правила приличия. Мы пили шампанское из одного бокала, ее пальцы обжигали мое запястье. А потом ее губы, горячие и влажные, прикоснулись к моему уху, и она прошептала слова, которые были для меня слаще любой музыки: «Может мы найдем более уединенное место? Например, у меня...»

Идеальный расклад. Мой негласный девиз, который я пронес через все свои двадцать три года: никаких тебе обязательств, утром – взаимное «спасибо» и легкое, безболезненное прощание. Я, Кирилл,

профессиональный наслажденец и, как меня часто называли, «бездушный повеса». И мне это нравилось. Моя жизнь была чередой веселых вечеринок и красивых лиц, не оставляющих шрамов на душе.

С громким стоном я потянулся, чувствуя, как ноют все мышцы. Повернулся на бок, намереваясь разбудить мою ночную принцессу каким-нибудь приятным и не требующим сил способом. Но место рядом было пусто, простыня под ладонью – холодной.

В этот момент дверь в спальню распахнулась без стука, и на пороге возникла она. Картина была сюрреалистичной. Ее идеально уложенные волосы были растрепаны, макияж смазан, а лицо – белым, как мрамор, с двумя яркими пятнами румянца на скулах. Глаза, те самые, холодные, были теперь огромными от немой паники, в них читался чистый животный ужас. На ней был только короткий шелковый халат, перехваченный на талии, и он был расстегнут ровно настолько, чтобы я с болезненной четкостью вспомнил, какое у нее на самом деле потрясающее тело. Но сейчас не до воспоминаний.

– Вставай! Немедленно! – ее голос был сдавленным, хриплым шепотом, полным отчаяния. Он резанул слух после вчерашнего грохота музыки.

– Кто... Что? – проворчал я, с трудом заставляя мозг шевелиться. Маленькие молоточки в висках забили в набат.

– Он! – выдохнула она, и ее глаза метнулись к прихожей. – Мой муж, идиот! Он должен был вернуться только завтра утром, но его переговоры перенесли! Он уже здесь! Я слышу, как его машина подъехала! Он сейчас будет открывать дверь!

Вот дерьмо. Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Все остатки сна, похмелья и легкой эйфории вылетели из меня в один миг, словно кто-то выдернул пробку. Адреналин, горький и острый, как полынь, ударил в кровь, заставив сердце колотиться с бешеной скоростью. Я сорвался с кровати, ощутив холод паркета под босыми ногами. Огляделся в поисках своей одежды. Штаны, футболка, носки, кроссовки... Все это в живописном, грешном

беспорядке осталось там, в гостиной. Путь туда был отрезан. Мы были в ловушке.

– Балкон! – девушка, имя которой я даже не запомнил, схватила меня за руку. Ее пальцы были ледяными и влажными от пота. Она с силой потащила меня к стеклянной двери, ведущей на балкон. – Давай, быстро! Пока он не вошел!

Она распахнула дверь, и на меня пахнуло прохладным, неприветливым утренним воздухом. Я стоял на пороге в одних темных боксерах, чувствуя себя абсолютным идиотом и голым актером в каком-то абсурдном спектакле.

– И что мне теперь делать? – попытался я сохранить остатки бравады, но мой голос прозвучал сипло и испуганно. – Ждать тут, пока вы с ним не выпьете утренний кофе с круассанами? Замерзнуть насмерть для правдоподобия?

– Прыгай, – выдавила она, глядя на меня умоляющими, полными слез глазами. В них не было ни капли нежности или сожаления, только чистый, неконтролируемый страх за свою шкуру.

Я посмотрел вниз, через кованые перила. Четвертый этаж. Асфальт внизу выглядел недружелюбно твердым, безжизненным и до неприличия далеким. Мое воображение тут же нарисовало яркую, неприятную картинку.

– Ты с ума сошла? – прошипел я. – Я не прыгун с вышки! Я разобьюсь в лепешку!

– Прыгай в эти кусты! Или спускайся по трубе! Я не знаю! Только исчезни, ради Бога!

Из прихожей донесся четкий, громкий звук поворачивающегося ключа в замке. Затем тяжелые, уверенные, мужские шаги по паркету.

– Ангела! Дома? – прогремел низкий, властный голос, от которого по спине пробежали мурашки.

Времени на дискуссии не оставалось. Ни секунды. Ангела, с силой, которой я от нее не ожидал, буквально вытолкнула меня на балкон. Я едва успел ухватиться за холодную ручку двери, как

она с силой захлопнула ее перед моим носом. Последовал щелчок защелки. Финальный, как приговор.

Итак, я остался один. В трусах. На четвертом этаже. На холодном бетоне подошвами босых ног. Классическое, черт побери, утро русского повесы. Ирония судьбы была бы смешной, если бы не была такой опасной.

«Соберись, тряпка», – прошипел я сам себе, заставляя руки ухватиться за кованые завитки балюстрады. Они были ледяными и шершавыми. Вниз, вдоль стены, вела труба водосточного желоба. Она выглядела старой, ржавой и предельно ненадежной. Но выбора, как говорится, не предлагали.

Сглотнув ком в горле, я перемахнул через перила, сердце колотилось где-то в глотке, отдаваясь глухим стуком в ушах. Холодный металл жестоко обжигал голые ладони и ступни. Медленно, ценой невероятных усилий, борясь с просыпающейся паникой и трясущимися от напряжения мышцами, я начал спускаться. Каждый мускул кричал, каждый нерв был натянут как струна. «Никогда больше. Клянусь, никогда больше не свяжусь с замужними», – бормотал я себе под нос, цепляясь за очередной выступ и чувствуя, как соскальзывает потная нога.

Третий этаж. Я уже почти смирился со своей новой ролью полуголого альпиниста в элитном районе мегаполиса. И вот тогда я увидел. Прямо передо мной, на уровне моих глаз, было открытое настежь окно. За ним – тоже чья-то спальня. Светлая, уютная, залитая утренним солнцем. И, что самое главное, пустая.

Мысль пронеслась в голове, быстрая, как молния, и соблазнительная, как грех. Я не смогу спуститься до конца, это стало очевидно. Руки уже предательски дрожали, силы были на исходе. А тут... Укрытие. Передышка. Шанс не разбиться вдребезги.

Я замер, повиснув на зыбкой опоре, и уставился на этот темный проем, словно на порог в иной, более безопасный мир. Что там, за этим окном? Кто там живет? Сейчас раннее утро, скорее всего, никого нет дома. Или...